

Научная статья / Research Article

УДК 94(570)

DOI: 10.36718/2500-1825-2023-2-206-217

Светлана Вячеславовна Бершадская

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия

bsv97@yandex.ru

ЛИКВИДАЦИЯ НЕГРАМОТНОСТИ СРЕДИ ВЗРОСЛОГО НАСЕЛЕНИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920–1921 гг.

Целью статьи является исследование деятельности органов местной власти, нацеленных на создание системы общеобразовательных учреждений для взрослого населения Енисейской губернии в первый год восстановления советской власти. Анализируются законодательные и нормативно-правовые акты, образовательный уровень взрослого населения губернии, начальный период создания системы школ грамоты и пунктов ликвидации неграмотности для взрослого населения, объективные и субъективные факторы, повлиявшие на процесс реализации Декрета о ликвидации неграмотности. Реконструируются методы организации системы подготовки и переподготовки педагогических кадров для работы с взрослым населением, как факторы положительной динамики развития системы общеобразовательных учреждений. Выявляются и описываются условия работы, цели и задачи общеобразовательных учреждений, созданных на территории губернии. Характеризуются формы и методы привлечения населения к участию в работе школ грамоты и пунктов ликвидации неграмотности, меры воздействия в отношении не желающих учиться. Особое внимание обращается на практико-ориентированную наполняемость учебного процесса и личное участие сотрудников местных органов власти в организации системы общеобразовательных учреждений. Реакция населения на комплекс проводимых мероприятий рассматривается как основная причина успехов и неудач реализации основных положений декрета в локальных условиях Енисейской губернии в первый год восстановления советской власти. Для рассмотрения проблемы, сжатой в узких хронологических рамках, используются элементы микроисторического подхода. Методология исследования базируется на принципе объективности, позволяющем рассмотреть взаимосвязь событий, сложившиеся оценки и выработать свой взгляд на проблему. В историографический обзор включены работы отечественных и зарубежных авторов. Источниковую базу исследования составили архивные материалы, а также материалы региональной и локальной периодической печати, некоторые из которых впервые вводятся в оборот.

Ключевые слова: советская власть, законодательные акты, ликвидация неграмотности, взрослое население, Енисейская губерния

Для цитирования: Бершадская С.В. Ликвидация неграмотности среди взрослого населения Енисейской губернии в 1920–1921 гг. // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2023. № 2. С. 206–217. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-2-206-217.

Svetlana Vyacheslavovna Bershadskaja

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia
bsv97@yandex.ru

ELIMINATING ADULT ILLITERACY IN THE YENISEI PROVINCE IN 1920–1921

The purpose of the paper is to study the activities of local authorities aimed at creating a system of general educational institutions for the adult population of the Yenisei Province in the first year of the restoration of Soviet power. The study analyses legislative and regulatory legal acts, the educational level of the adult population of the province, the initial period of the creation of a system of literacy schools and literacy centers for the adult population, objective and subjective factors that influenced the implementation of the Decree on the Elimination of Illiteracy. The methods of organizing the system of training and retraining of teaching staff for work with the adult population are reconstructed, as the factors of positive dynamics of development of the system of general educational institutions. The working conditions, goals and objectives of general educational institutions established in the Province are revealed and described. The forms and methods of involving the population in the work of literacy schools and literacy centers, measures of influence upon those unwilling to study are characterized. Particular attention is drawn to the practice-oriented content of the educational process and the personal participation of employees of local authorities in the organization of the system of general educational institutions. The reaction of the population to the complex of measures taken is considered as the main reason for the successes and failures in the implementation of the main provisions of the decree in the local conditions of the Yenisei Province in the first year of the restoration of Soviet power. Elements of micro-historical approach are used to consider the problem compressed in a narrow chronological framework. Research methodology is based on the principle of objectivity, which allows to consider the interrelation of events, the existing estimations and to work out one's own view of the problem. The historiographic review includes works of domestic and foreign authors. The source base of the study consists of archival materials, as well as materials of the regional and local periodicals, some of which are introduced into circulation for the first time.

Keywords: Soviet power, legislative acts, elimination of illiteracy, adult population, Yenisei Province

For citation: Bershadskaja S.V. Eliminating adult illiteracy in the Yenisei province in 1920–1921// Socio-economic and humanitarian journal. 2023. № 2. S. 206–217. DOI: 10.36718/2500-1825-2023-2-206-217

Вопросы становления системы образовательных учреждений для взрослого населения в первое послереволюционное десятилетие на провинциальных материалах европейской части России стали темой исследования ряда ученых, отметивших принятие населением идеи необходимости получения современного на тот период образования [1] и рассмот-

ревших проведение кампании по ликвидации неграмотности, как необходимое условие формирования актуальных навыков и умений для решения жизненных задач [2]. Историографию вопроса дополнили публикации о важной роли партийного руководства и общественных организаций в повышении культурного и

образовательного уровня населения провинциальных территорий [3, 4, 5].

В трудах сибирских исследователей рассмотрены отдельные аспекты реформирования образовательного пространства региона, как важного элемента процесса культурной модернизации городского сообщества [6, 7, 8]. Рассматривая женскую неграмотность, как одно из ограничений при реализации государственной политики создания нового советского общества, авторы учитывают гендерный аспект процесса ликвидации неграмотности [9, 10]. Зарубежные исследователи, изучая пропаганду в качестве «лишь одной из составных частей советского образовательного процесса» [11, с. 373], отмечают «беспрецедентность» кампании ликвидации неграмотности как по уровню масштабов, так и по объему задач [12, с. 193].

Несмотря на то что развитие системы образования на территории Приенисейского края является популярной темой исследования сибирских ученых [13, 14, 15, 16], научных работ, посвященных становлению системы общеобразовательных учреждений для взрослого населения Енисейской губернии в начале 1920-х гг., немного. В.А. Дятлова, уделяя внимание вопросам подготовки учительских кадров и наличию учебников на родном языке, рассмотрела на материалах Государственного архива Красноярского края становление системы школьного образования для национальных меньшинств в первые годы Советской власти, отметила схожесть проблем прошлого с современным периодом [17].

Таким образом, при изучении темы, опираясь на нормативную и статистическую документацию, историография фокусируется преимущественно на середине или вторую половину 1920-х гг., затрагивая идеологизацию образовательного процесса и ограничения при реализации государственной политики в сфере образования. Вопросы создания школ грамоты и пунктов по ликвидации неграмотности в год восстановления Советской власти, создавшей фундамент

дальнейшего развития системы образования для взрослого населения Енисейской губернии, реакция населения на комплекс проводимых органами власти мероприятий учеными не затрагивалась, что придает новизну данному исследованию.

В 1920 г. издатели новониколаевской «Недели просвещения» писали: «У нас в России, ...: школа всегда была в загоне, а наука под подозрением» и видели в этом причину «ужасной бедности России», «голода и болезней, чудовищной смертности и вместе с тем чудовищной преступности в России», «всех народных бедствий и потрясений, которыми история России так богата. ...Между тем при других условиях Россия могла бы быть богатейшей и самой счастливой страной...» [18, с. 10]. И вот с создания этих «других условий» с самого начала 1920 года, когда Сибирь еще «только освободилась от мрачного периода колчаковской реакции», когда «гуляли еще по ее необъятным просторам шайки белобандитов, не закончилась еще на ее окраинах гражданская война» [19, с. 5], началась активная деятельность органов власти по ликвидации неграмотности жителей Сибирского региона.

В целом по Сибири первым годом активного участия взрослого населения в комплексе государственных мероприятий, нацеленных на ликвидацию неграмотности, был период 1920–1921 гг. Еще до осени 1920 года лишь приблизительно 13 000 сибиряков занимались в 885 школах по ликвидации неграмотности [20, с. 90]. К концу 1921 г. сеть образовательных учреждений достигла 8 000 – «Число обучающихся определялось чуть ли не сотнями тысяч. Это был медовый месяц кампании» [21, с. 3]. В самом начале в развернутой по всей стране кампании по ликвидации безграмотности обязательные постановления с указанием точного срока, к которому безграмотность должна была быть ликвидирована, выносили органы местной власти [22].

В локальных условиях Енисейской губернии – одной из крупнейших в рас-

сма­три­вае­мый пе­ри­од мно­го­на­ци­о­наль­ных тер­ри­то­ри­аль­ных еди­ниц, на­се­лен­ной пре­иму­щес­вен­но не­гра­мот­ны­ми или ма­ло­гра­мот­ны­ми сель­ски­ми жи­те­ля­ми, – это был очень важ­ный мо­мент. 5 ян­ва­ря 1921 го­да пред­ста­ви­те­ли рай­он­но­го ко­ми­те­та гор­но­ра­бочих Юж­но­го и Се­вер­но­го Енисей­ско­го рай­она в сво­ем за­яв­ле­нии в Губ­грам­че­ка пи­са­ли: «На Ва­ше от­но­ше­ние от 3 ян­ва­ря с.г. рай­ком гор­но­ра­бочих со­об­ща­ет, что борь­ба с без­гра­мот­но­стью в со­ю­зе Гор­ня­ков об­сто­ит в слиш­ком за­труд­ни­тель­ных ус­ло­виях вви­ду то­го, что рай­ком объ­еди­ня­ет до 16 пред­при­ятий, ко­то­рые раз­бро­са­ны по всей гу­бер­нии, так, на­при­мер, по­ло­ви­на из них на­хо­дит­ся на рас­сто­я­нии 800 верст гу­же­во­го пу­ти, и про­цент не­гра­мот­ных в дан­ном со­ю­зе го­ра­здо бо­лее, чем в дру­гих Со­ю­зах» [23, с. 113].

Про­цент не­гра­мот­но­го на­се­ле­ния по Си­би­ри в це­лом был од­ним из са­мых вы­со­ких в стра­не – око­ло 70 %, а «в не­ко­то­рых мед­ве­жьих уг­лах» не­гра­мот­ность дос­ти­га­ла 100 % [24, с. 260]. Из 8663792 че­ло­век, за­ре­гис­три­ро­ван­ных Все­со­ю­з­ной пе­ре­пи­сью 1920 го­да, гра­мот­ны­ми се­бя ука­за­ли 2681173 чел. [25, с. 26–27]. В Том­ской гу­бер­нии про­цент не­гра­мот­но­го на­се­ле­ния со­став­лял 92 %, в Ом­ской и Ал­тай­ской – 85, Ир­кут­ской – 83 % [20, с. 90].

Не­по­сред­ствен­но на тер­ри­то­рии Енисей­ской гу­бер­нии про­цент не­гра­мот­но­го на­се­ле­ния в воз­ра­сте от 9 до 50 лет со­став­лял 70 %. В сель­ских мес­тно­стях на 100 че­ло­век при­хо­ди­лось от 50 до 64 не­гра­мот­ных [26, с. 65–67]. Гра­мот­ность сре­ди го­род­ско­го на­се­ле­ния была тра­ди­ци­он­но вы­ше. Из 113267 че­ло­век, за­ре­гис­три­ро­ван­ных пе­ре­пи­сью в го­ро­дах Енисей­ской гу­бер­нии, гра­мот­ны­ми се­бя ука­за­ли 66606 че­ло­век [27, с. 12].

Воз­мож­но, при­мер ор­га­нов вла­сти сто­лич­ных го­ро­дов (сог­лас­но По­ста­нов­ле­нию Пе­тер­бург­ско­го го­род­ско­го Со­ве­та, не­гра­мот­ность жи­те­лей Пе­тер­бур­га дол­жна была быть лик­ви­ди­ро­ва­на к ав­гу­сту 1920 го­да [28, с. 2–3]), воз­мож­но, на­стро­е­ния жи­те­лей за­став­ля­ли ор­га­ны вла­сти на мес­тах при­ни­мать труд­но­осу­щес­т­ви­мые ре­ше­ния. Так, срок лик­ви­да­

ции не­гра­мот­но­сти жи­те­лей Ом­ской гу­бер­нии, сог­лас­но ре­ше­нию, при­ня­то­му мес­т­ным от­де­лом на­род­но­го об­ра­зо­ва­ния, был ана­ло­гич­ен ука­зан­но­му в По­ста­нов­ле­нии Пе­тер­бург­ско­го го­род­ско­го Со­ве­та [21, с. 3].

Учи­ты­вая вы­со­кий про­цент не­гра­мот­ных и об­шир­ность тер­ри­то­рии, ор­га­ны вла­сти Енисей­ской гу­бер­нии про­я­ви­ли бо­ль­шую «ос­то­рож­ность». В Крас­но­яр­ске все гра­ждан­ское на­се­ле­ние обо­е­го по­ла в воз­ра­сте от 14 до 50 лет, не умею­щее чи­тать или пи­сать, обя­зы­ва­ли прой­ти обу­че­ние в шко­лах гра­моты для вз­рос­лых до 1 ян­ва­ря 1921 го­да. Не­гра­мот­ность пла­ни­ро­ва­ли лик­ви­ди­ро­вать, «на­чи­ная с бо­лее мо­ло­дых воз­ра­стов... еже­днев­но в те­че­ние двух ча­сов по ве­че­рам» [29, с. 1]. В Енисей­ске не­гра­мот­ность пла­ни­ро­ва­ли лик­ви­ди­ро­вать к 1 фе­в­ра­ля 1921 го­да [30, с. 111]. На со­сто­яв­шем­ся в мае 1920 го­да за­се­да­нии от­де­ла на­род­но­го об­ра­зо­ва­ния Ми­ну­син­ско­го рев­ко­ма по­ста­но­ви­ли, что «срок по осу­щес­т­вле­нию пла­на по лик­ви­да­ции без­гра­мот­но­сти в 2 ме­ся­ца яв­ля­ет­ся не­до­ста­точ­ным и дол­жен быть уве­личен са­мое мень­шее до 4 ме­ся­цев и, если остав­лять пред­ло­жен­ный 2-ме­сяч­ный срок, не­об­хо­ди­мо уве­личить вдвое ко­ли­че­ство днев­ных ча­сов» [31, с. 6]. На со­сто­яв­шем­ся в ок­тя­бре 1920 го­да I Съез­де куль­тур­но-прос­ве­ти­тель­ных ор­га­ни­за­ций го­ро­да Кан­ска и уез­да обра­щалось вни­ма­ние на со­дер­жа­тель­ную сто­ро­ну про­цес­са: «если курсант из ра­бочих, то не­об­хо­ди­мо чи­тать лек­ции по ма­те­ма­ти­ке, фи­зи­ке, хи­мии и тех­ни­че­ским на­у­кам», «что­бы слу­ша­те­ли вы­хо­ди­ли бли­зкими к на­ро­ду и ясно по­ни­ма­ли за­да­чи про­ле­тар­ской ре­во­лю­ции» [30, с. 14–165].

Мож­но пред­по­ло­жить, что го­су­дар­ствен­ный нар­ра­тив в от­но­ше­нии по­вы­ше­ния об­ра­зо­ва­тель­но­го уров­ня ока­зал­ся от­ве­том ор­га­нов вла­сти на по­треб­но­сти на­се­ле­ния. Так, на­при­мер, по вос­по­ми­на­ниям П.П. Посты­ше­ва, за­нять­ся уче­бой, хотя и во­ен­ной, было же­ла­нием «не­удер­жи­мо рву­щих­ся в го­род» пар­ти­зан [32, с. 24]. О сво­ем же­ла­нии «от­крыть шко­лу для не­гра­мот­ных» пи­са­ли в Тар­ский уком ком­со­мо­ла 16 фе­в­ра­ля 1920 го­да чле­ны Чи­га­нах­ской ячей­ки РК­СМ,

«...но нет ни книг, ни бумаги, ни учебных пособий», – жаловалась молодежь [33, с. 28–29.]. В Енисейской губернии жители деревни Бахта оказались более сознательными. На состоявшемся 29 мая 1920 года общем собрании, на котором присутствовали 15 домохозяев, жители, выслушав речь прибывшего в деревню представителя губернского отдела народного образования «о значении образования в жизни», признали «нашущую необходимость в обучении нас и наших детей грамоте» и постановили просить отдел народного образования открыть в деревне школу грамоты. Особый интерес представляет один из пунктов народного постановления "дать за свой счет: помещение для школы и квартиры для учителя. Кроме того, взять на себя поддержание чистоты"» [30, с. 84]. Напрашивается вывод, что сельские жители были не менее восприимчивы к идеям просвещения, чем горожане. И даже при вспышке тифа в ряде сел Минусинского уезда школы не были закрыты, тем не менее за медицинской помощью решили обратиться «в Чекотив», видимо имея в виду Чрезвычайную комиссию по борьбе с тифом [31, с. 19]. Само по себе такое решение является определенным аргументом в пользу распространения просветительских идей, так как среди традиционных способов лечения инфекционных заболеваний наиболее приемлемыми для цитирования были засыпание больного кладбищенской землей по самую шею или привязывание к шеи змеиной кожи [34, с. 101].

Предшественницей комиссии по ликвидации неграмотности в локальных условиях Енисейской губернии была организованная в структуре отдела народного образования внешкольно-курсовая секция.

Постановление «приступить немедленно к организации целого ряда школ для взрослых в рабочих кварталах» города было принято членами секции уже 24 января 1920 года [30, с. 10]. На заседании секции решили к 10 апреля 1920 года через профессиональные союзы, местные, заводские, квартальные и домовые комитеты, во-первых, произвести точный учет

неграмотного населения, во-вторых, «педагогических сил и всех лиц, способных преподавать в школе по ликвидации безграмотности». К 24 апреля 1920 года сотрудники отдела народного образования губернии должны были на основании данных учета неграмотного населения и «преподавательских сил» разработать городскую сеть школ по ликвидации безграмотности и определить порядок и сроки поступления в школы по возрастам и районам. С 24 апреля по 1 мая 1920 года планировали организовать недельные курсы для первой партии преподавателей из числа грамотных людей, а также оборудовать школы необходимыми пособиями в помещениях, которые были отведены для этой цели комитетами и профессиональными союзами; назначить учителей [29, с. 4].

Инструктора внешкольно-курсовой секции, снабженные удостоверениями, согласно которым Губграмчека просила «все Советские и гражданские учреждения и организации оказывать ... самое широкое содействие в деле ликбезграм» [23, с. 93], отправились в рабочие кварталы города для проведения агитации среди владельцев помещений. В результате проведенных переговоров несколько помещений, пригодных для проведения занятий «по вечерам часа на 2–3», было найдено [29, с. 1].

Горожане, днем занятые на работе, могли обучаться в основном в вечернее время, что необходимо рассматривать одним из факторов, препятствовавших участию в работе общеобразовательных учреждений. Криминогенная обстановка в губернии [35, 36] не способствовала решимости горожан посещать занятия в школах. Кроме того, занятия в вечернее время требовали освещения помещений, что особенно чувствовалось в зимний период, на который приходилась основная масса занятий. Занятия проводились при тусклом свете керосиновых ламп или самодельных коптилок. С другой стороны, в летнее время – «традиционный период огородных работ» – многие образовательные учреждения закрывались [37, с. 23], или отмечалось «быстрое падение посещаемости вследствие полевых ра-

бот», когда приходилось ограничиваться «скромными немногочисленными курсами, т.к. кроме воскресений слушатели не располагают временем» [38, с. 23]. Так, например, в 1920 году в Канском уезде была запланирована работа 150 вечерних школ для взрослых. Однако, смогли открыть только 49. Такое «незначительное количество» объяснялось тем, что «открытие и организация школ совпало с тем временем, когда ...население приступает к своим насущным обязанностям – к полевым работам» [30, с. 145–165]. Применялись самые разнообразные методы разъяснительной работы, формы стимулирования и меры воздействия.

Инструктора внешкольно-курсовой секции проводили лекции-беседы и летучие митинги, вели запись желающих в школы грамоты и на общеобразовательные курсы для взрослых. Немаловажным фактором привлечения населения стали правовые гарантии. Согласно основным положениям декрета «О ликвидации безграмотности», людям, обучающимся грамоте, работающим по найму, за исключением занятых в милитаризованных предприятиях, рабочий день сокращался на 2 часа на все время обучения с сохранением заработной платы [22]. Студентам-коммунистам, продолжавшим курс обучения, предоставлялась отсрочка от призыва, либо они освобождались от воинской повинности для продолжения образования [39, с. 9, 10, 11, 15, 17]. В марте 1920 года был подготовлен проект распоряжения Енисейского Губернского Революционного Комитета, согласно которому учащимся за часы, проведенные в школе на занятиях по грамоте, планировалось выплачивать «вознаграждение как за сверхурочную работу от соответствующих предприятий и частных работодателей» [29, с. 1].

В отдельных случаях в отношении не желавших учиться применялись самые разнообразные меры взыскания в виде «штрафов за непосещение, лишения пайков, задержки зарплаты и другие “методы” вовлечения в школу, вплоть до каталажки» [21, с. 4]. Органами местной власти рассматривались возможность

исключения из профсоюзов, увольнение «со службы». В отношении работодателей, которые «после 1 января 1921 года будут пользоваться трудом неграмотных», предусматривались денежные взыскания и «наказания по суду» [29, с. 1].

По решению Енисейского губернского отдела народного образования, принятому 23 февраля 1920 года, на борьбу с неграмотностью мобилизовывались все грамотные граждане [40, с. 19]. При организации работ предполагалось, «возбудив самодеятельность самого населения», привлекать не только людей с педагогическим образованием, но и вообще «грамотных разумных людей... за особое вознаграждение» [30, с. 6–7], в том числе молодежь. Необходимо отметить, что расчет на молодых людей среднего и старшего школьного возраста строился не на пустом месте. Процент неграмотной молодежи возрасте от 14 до 29 лет по городам Енисейской губернии составлял всего 15,9 % [41, с. 232].

В результате для работы в школах грамоты в порядке трудовой повинности привлекались все занимавшиеся когда-либо педагогическим трудом: те, кто находился не на педагогической службе, но имел педагогическую подготовку, члены Союза работников просвещения и социалистической культуры, учащиеся Учительского института [29, с. 1] и старших классов школ II ступени [31, с. 18–19].

Поскольку к обучению неграмотных привлекались просто грамотные люди либо учителя школ, перед органами местной власти встал вопрос «повышения педагогической грамотности» занятых в организации образовательного процесса взрослого населения. С этой целью открывались курсы подготовки ликвидаторов безграмотности. Данный аспект деятельности органов местной власти получал освещение на страницах региональной прессы. Так, например, об организации одних из первых курсов местная газета сообщала: «5 июля в 1-ом Советском театре состоялось открытие курсов по подготовке инструкторов школ I ступени. Были произнесены привет-

ственные речи, после которых состоялся симфонический концерт» [42, с. 1]. Занятия на курсах для 60 человек проводились с 10 утра и с 7 часов вечера. Для удобства обучающихся было оборудовано общежитие. В архивных материалах сохранилась характеристика процесса: «Отношение к занятиям самое серьезное. Занятия посещаются и слушателями, и лекторами аккуратно» [38, с. 23]. Продолжительность обучения на курсах составляла от 2 до 3 месяцев [43, с. 1]. Для размещения школ грамоты для взрослых занимали как общественные учреждения для занятий с группой взрослых в количестве до 30 человек, так и частные учреждения и квартиры, для занятий с группой взрослых в количестве от 5 до 10 учащихся [29, с. 1].

Запись в школы производилась с учетом подготовленности слушателей, минимальное требование – общий объем знаний примерно за 4 класса школы. В программе школ были занятия по русскому языку, арифметике, истории, географии и эстетическому воспитанию («история искусств в связи с историей ремесел»). Предметы, «читаемые в школах», подобраны были так, чтобы «слушатели получили, с одной стороны, развитие политическое, с другой – ряд знаний, необходимых для поступления в высшие учебные заведения» [43, с. 9].

В задачах школ грамоты было не только научить читать, писать, считать, излагать устно и в простейших формах письменно свои мысли. Особое внимание обращалось на необходимость «заинтересовать учеников перспективой скорого применения приобретенных знаний»: «Если после двух-трех недель занятий в школе взрослых учащихся сможет написать свою фамилию, прочесть заголовки бланка, газеты или название улицы, содержание вывести и пр., различить денежный знак не только по цвету, но и по начертанию цифр..., то это будет для него осязательным доказательством пользы грамотности и разовьет в нем интерес и жажду к дальнейшему образованию. Затем необходимо показать учащимся в школе для взрослых, какой новый огромный и недоступный ранее мир от-

крывается грамотному и что грамотность дает удовлетворять высокие запросы души. Для этого учащихся необходимо ознакомить с образцами художественной литературы, устраивать с ними чтения, разбор прочитанного и беседы, как на литературные темы, так и по вопросам естествоведения, истории и общественной» [29, с. 4].

Уже в 1920 г. в Красноярске была организована работа 9 школ грамоты [43, с. 32], причем две из них были расположены в городских слободах. Так, например, в Покровской слободе занятия для 50 жителей проводились в Татарской мечете и Старообрядческой молельне. В школе, организованной в Закачинской слободе, занимались 60 человек [30, с. 31–33]. Одна из них посещалась рабочими («следует отметить серьезное отношение слушателей к делу»), вторая находилась в центре города, где в основном училась молодежь, «служащая в советских учреждениях» [43, с. 9]. В 1921 году в городах Енисейской губернии работали 42 школы, в которых обучались грамоте 1519 чел. [44, с. 4].

Всего за период 1920–1921 гг. на территории Енисейской губернии была организована работа 622 пунктов по ликвидации неграмотности [37, с. 22], 105 школ грамоты, 21 школа для взрослых I ступени. Кроме того, работали 2 школы для взрослых II ступени, рассчитанных на 2-годичный курс обучения, в которых занимались почти 200 чел. малограмотных [43, с. 1, 9].

В рассмотренный период в организованных органами местной власти системе образовательных учреждений прошли обучение 135000 взрослых жителей Енисейской губернии, что составило 14,8 % от общего числа неграмотных. Енисейская губерния оказалась на втором месте после Иркутской, в которой ликвидировали свою неграмотность 81000 чел., что составило 16,2 %, и опередила Омскую (12,2 %), Томскую (4,8 %) и Алтайскую (3,7 %) губернии [20, с. 90].

Таким образом, несмотря на разруху, царившую в городах Енисейской губернии, сложную эпидемиологическую обстановку, послужившую причиной

приостановки деятельности образовательных учреждений [40, с. 8], высокий процент неграмотного или малограмотного населения, необходимо отметить результативность деятельности органов местной власти по созданию системы образовательных учреждений для взрослого населения в год восстановления Советской власти. Учитывая благоприятные «стартовые условия» в виде 50 % грамотного городского населения, значительные «кредиты из центра», наличие рабочей силы, состоявшей в распоряжении отделов Народного образования в порядке трудовой повинности, и позитивную реакцию населения губернии на комплекс государственных мероприятий, задача первого этапа была выполнена. На состоявшемся в Красноярске 4 декабря 1922 г. IV Енисейском губернском съезде Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов глава отдела народного образования М.Е. Золотарев отметил в своем выступлении: «Жажда знаний, жажда научного творчества, жажда постигнуть смысл и историю окружающего была возбуждена в полной мере» [37, с. 7].

По мнению представителей местной власти, успехи в плане количества прошедших обучение в рассмотренный период можно было отнести к краткосрочности (от 2 до 3 месяцев) обучения грамоте [37, с. 7]. По мнению представителей сибирского отдела народного образования, фактором успеха стало то, что само понятие «грамотный» продолжало сохранять все оттенки «старого содержа-

ния. Грамотный – тот, кто может распечататься, прочитать две-три строчки печатного и письменного шрифта. Такое понимание грамоты определяло и содержание материала и методы работы. В самом деле, для того, чтобы научиться читать, не все ли равно, читать, скажем, “Азбуку коммунизма” Бухарина, или “Евангелие”. И в том и в другом случае мы получим один и тот же результат – умение читать», – отмечал на страницах «Сибирского педагогического журнала» В.А. Пупышев [21, с. 3]. Несмотря на то что ликвидация неграмотности рассматривалась, прежде всего, как деятельность в свободное от основной работы время, необходимо отметить, что созданные образовательные учреждения для взрослого населения располагались «по месту жительства», занятия проводились в малых группах. Не менее важным аспектом стали повышение уровня педагогической грамоты «преподавательских сил» и практико-ориентированный подход к обучению взрослых людей. Хорошим стимулом для участия жителей были правовые гарантии, заложенные в административно-правовых актах, принятых на общероссийском и местном уровне. Численность прошедших обучение свидетельствует в пользу того, что занятия по ликвидации неграмотности давали возможность жителям Енисейской губернии «удовлетворять высокие запросы души» и стали одним из аспектов нормализации повседневной жизни в год восстановления Советской власти.

Список источников

1. Лиджеева К.Ф. Государственная политика в сфере образования в период советской модернизации 1920–1930-х гг. (на материалах национальных районов юга России) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 17–21.
2. Багдасарян С.Д. Культура чтения в повседневности южнороссийского крестьянства в 1920-х гг. // Былые годы. 2013. № 28 (2). С. 29–36.
3. Ивченко В.В. Роль общественных организаций в деле становления народного образования Молдавской АССР (1924–1927 гг.) // Русин. 2014. № 2 (36). С. 285–295.
4. Семенова И.Ю. Решение проблем неграмотности и укрепления семьи в первые годы советской власти: деятельность ячейки всероссийского общества "Долой

- неграмотность" в Чувашской АССР // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 1 (57). С. 61–68.
5. Волков О.И. Организация общества "Долой неграмотность" в Туле и его деятельность в 1920-е гг. // История. Историки. Источники: электронный научный журнал. 2019. № 4. С. 35–41.
 6. Рогачев А.Г. Альтернативы российской модернизации: Сибирский аспект, 1917–1925 годы: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Красноярск, 1999. 367 с.
 7. Гонина Н.В. Образование как фактор модернизации городского сообщества в условиях интенсивной урбанизации // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2016. № 3 (3). С. 112–124.
 8. Занданова Л.В., Афанасова Е.Н. Становление и развитие системы дошкольного воспитания в национальных республиках Восточной Сибири в 1920-е годы // Гуманитарный вектор. 2019. Т. 14. № 3. С. 48–54.
 9. Васеха М.В. "Крестьянка грамотная": ликбез в Западной Сибири и конструирование нового паттерна женского поведения в 1920-е годы // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 5. С. 150–160.
 10. Соболева А.Н., Хомяков С.В. "Раскрепощение националки": работа с женским населением Бурят-Монголии в 1920-е годы // Манускрипт. 2018. № 12-2 (98). С. 268–271.
 11. Fitzpatrick Sheila. Popular Opinion under Communist Regime. Oxford: Oxford university press, 2014. 658 p.
 12. Wood Alan. Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. UK. Bloomsbury Academic, 2011. 289 p.
 13. Северьянов М.Д. О культурно-национальном строительстве в Приенисейском крае в 20-е гг. XX столетия // Кочевые цивилизации народов Центральной и Северной Азии: история, состояние, проблемы. Красноярск: КГПУ им. В.П. Астафьева, 2010. С. 243–247.
 14. Холина М.В. Реализация культурной политики в малых городах в начале 1920-х – конце 1930-х гг. (на примере Красноярского края): дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2010. 262 с.
 15. Ценюга С.Н., Мезит Л.Э., Корытько Ю.С. Педагогические учебные заведения Сибирского отдела народного образования в 1920–1938 гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2016. № 1 (35). С. 119–122.
 16. Романова Н.С. Сеть учебных заведений профессионального образования в Енисейской губернии в 20-е гг. XX в. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2020. № 198. С. 202–214.
 17. Дятлова В.А. Материалы Государственного архива Красноярского края по вопросам просвещения национальных меньшинств в первые годы Советской власти // Научный ежегодник КГПУ. Красноярск: РИО КГПУ, 2002. Т. 1. Вып. 3. С. 255–262.
 18. Народные университеты // Неделя просвещения. Новониколаевск: ОГИЗ-Сельхозгиз, 1920. 24 с.
 19. Начальное образование в Сибирском крае // К вопросу о всеобщем обучении в Сибирском крае. Новосибирск: [б. и.], 1927. С. 5–25.
 20. Соколов А. Политпросветработа в Сибири // Жизнь Сибири. 1922. № 3. С. 88–96.
 21. Путьшев В. Пять лет борьбы // Сибирский педагогический журнал. 1925. № 1. С. 3–6.
 22. Декрет СНК № 592 «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26.12.1919. URL: <http://istmat.info/node/38891>.
 23. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 105.

24. Общественные организации // Сибирь в 1923–1924 годы. Новониколаевск: Сибревком. 1925. С. 259–266.
25. Итоги переписи населения 1920 года. М.: Центр социальной статистики, 1928. 190 с.
26. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 234.
27. Бюллетень Енисейского губернского статистического бюро. 1921. № 1.
28. К.Р. Советская власть и кооперация // Власть труда. 1920. № 2.
29. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 29.
30. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 22.
31. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 25.
32. Постышев П.П. Гражданская война на Востоке Сибири 1917–1922 гг.: Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. 62 с.
33. ПАОО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 1.
34. Грациан А.А. Эпидемия малярии в Сибири // Жизнь Сибири. 1924. № 1(17). С. 95–105.
35. Валюнова А.В. Борьба с преступностью несовершеннолетних в Енисейской губернии после окончания Гражданской войны // Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие. Омск: Омский гос. техн. ун-т, 2019. С. 48–50.
36. Бойко Ю.Н. К вопросу о материальном обеспечении милиции Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 3. С. 284–289.
37. Отчет о состоянии народного образования в Енисейской губернии IV губсъезду Советов. 1922. URL: <https://irbis128.kraslib.ru/?id=FT/ShowFT&sid=8e1b80a6daa08629592ff594099596a4&viewerType=GUNBKK> (дата обращения: 26.09.19).
38. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 39.
39. ГАКК. ФР-93. Оп. 4. Д. 3.
40. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 24.
41. Путьшев В. Итоги кампании по ликвидации неграмотности за 1923/24 учебный год и дальнейшие перспективы // Сибирский педагогический журнал. 1924. № 1–2. С. 230–233.
42. Открытие курсов // Красноярский рабочий. 1920. № 147.
43. ГАКК. ФР-93. Оп. 1. Д. 40.
44. Количество учебных заведений в губернии // Красноярский рабочий. 1921. № 50.

References

1. Lidzheeva K.F. Gosudarstvennaya politika v sfere obrazovaniya v period sovetskoi modernizatsii 1920–1930-kh gg. (na materialakh natsional'nykh raionov yuga Rossii) // Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN. 2013. № 1. S. 17–21.
2. Bagdasaryan S.D. Kul'tura chteniya v povsednevnosti yuzhnorossiiskogo krest'yanstva v 1920-kh gg. // Bylye gody. 2013. № 28 (2). S. 29–36.
3. Ivchenko V.V. Rol' obshchestvennykh organizatsii v dele stanovleniya narodnogo obrazovaniya Moldavskoi ASSR (1924–1927 gg.) // Rusin. 2014. № 2 (36). S. 285–295.
4. Semenova I.YU. Reshenie problem negramotnosti i ukrepleniya sem'i v pervye gody sovetskoi vlasti: deyatel'nost' yacheiki vserossiiskogo obshchestva "Doloi negramotnost'" v Chuvashskoi ASSR // Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviya. 2021. № 1 (57). S. 61–68.

5. *Volkov O.I.* Organizatsiya obshchestva "Doloi negramotnost'" v Tule i ego deyatel'nost' v 1920-e gg. // *Istoriya. Istoriki. Istochniki: ehlektronnyi nauchnyi zhurnal.* 2019. № 4. S. 35–41.
6. *Rogachev A.G.* Al'ternativy rossiiskoi modernizatsii: Sibirskii aspekt, 1917–1925 gody: dis. ... d-ra ist. nauk: 07.00.02. Krasnoyarsk, 1999. 367 s.
7. *Gonina N.V.* Obrazovanie kak faktor modernizatsii gorodskogo soobshchestva v usloviyakh intensivnoi urbanizatsii // *Sotsial'no-ehkonomicheskii i gumanitarnyi zhurnal Krasnoyarskogo GAU.* 2016. № 3 (3). S. 112–124.
8. *Zandanova L.V., Afanasova E.N.* Stanovlenie i razvitie sistemy doskol'nogo vospitaniya v natsional'nykh respublikakh Vostochnoi Sibiri v 1920-e gody // *Gumanitarnyi vektor.* 2019. T. 14. № 3. S. 48–54.
9. *Vasekha M.V.* "Krest'yanka gramotnaya": likbez v Zapadnoi Sibiri i konstruirovaniye novogo patterna zhenskogo povedeniya v 1920-e gody // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya.* 2018. T. 17. № 5. S. 150–160.
10. *Soboleva A.N., Khomyakov S.V.* "Raskreposhchenie natsionalki": rabota s zhenskimi naseleniem Buryat-Mongolii v 1920-e gody // *Manuskript.* 2018. № 12-2 (98). S. 268–271.
11. *Fitzpatrick Sheila.* Popular Opinion under Communist Regime. Oxford: Oxford university press, 2014. 658 p.
12. *Wood Alan.* Russia's Frozen Frontier: A History of Siberia and the Russian Far East 1581–1991. UK. Bloomsbury Academic, 2011. 289 p.
13. *Sever'yanov M.D.* O kul'turno-natsional'nom stroitel'stve v Prieniseiskom krae v 20-e gg. XX stoletiya // *Kochevye tsivilizatsii narodov Tsentral'noi i Severnoi Azii: istoriya, sostoyanie, problemy.* Krasnoyarsk: KGPU im. V.P. Astaf'eva, 2010. S. 243–247.
14. *Kholina M.V.* Realizatsiya kul'turnoi politiki v malykh gorodakh v nachale 1920-kh – kontse 1930-kh gg. (na primere Krasnoyarskogo kraja): dis. ... kand. ist. nauk. Krasnoyarsk, 2010. 262 s.
15. *Tsenyuga S.N., Mezit L.EH., Koryt'ko YU.S.* Pedagogicheskie uchebnye zavedeniya Sibirskogo otdela narodnogo obrazovaniya v 1920–1938 gg. // *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva.* 2016. № 1 (35). C. 119–122.
16. *Romanova N.S.* Set' uchebnykh zavedenii professional'nogo obrazovaniya v Eniseiskoi gubernii v 20-e gg. XX v. // *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena.* 2020. № 198. S. 202–214.
17. *Dyatlova V.A.* Materialy Gosudarstvennogo arkhiva Krasnoyarskogo kraja po voprosam prosveshcheniya natsional'nykh men'shinstv v pervye gody Sovetskoi vlasti // *Nauchnyi ezhegodnik KGPU. Krasnoyarsk: RIO KGPU,* 2002. T. 1. Vyp. 3. S. 255–262.
18. *Narodnye universitety // Nedelya prosveshcheniya.* Novonikolaevsk: OGIZ-Sel'khozgiz, 1920. 24 s.
19. *Nachal'noe obrazovanie v Sibirskom krae // K voprosu o vseobshchem obuchenii v Sibirskom krae.* Novosibirsk: [b. i.], 1927. C. 5–25.
20. *Sokolov A.* Politprosvetrabota v Sibiri // *Zhizn' Sibiri.* 1922. № 3. S. 88–96.
21. *Pupyshev V.* Pyat' let bor'by // *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal.* 1925. № 1 (11). S. 3–6.
22. Dekret SNK № 592 «O likvidatsii bezgramotnosti sredi naseleniya RSFSR» ot 26.12.1919. URL: <http://istmat.info/node/38891>.
23. GAKK. FR-93. Op. 1. D. 105.
24. *Obshchestvennyye organizatsii // Sibir' v 1923–1924 gody.* Novonikolaevsk: Sibrevkom. 1925. S. 259–266.

25. Itogi perepisi naseleniya 1920 goda. M.: Tsentr sotsial'noi statistiki, 1928. 190 s.
26. GAKK. FR-93. Op. 1. D. 234.
27. Byulleten' Eniseiskogo gubernskogo statisticheskogo byuro. 1921. № 1.
28. K.R. Sovetskaya vlast' i kooperatsiya // Vlast' truda. 1920. № 2.
29. GAKK. FR-93. Op. 1. D. 29.
30. GAKK. FR-93. Op. 1. D. 22.
31. GAKK. FR-93. Op. 1. D. 25.
32. *Postyshev P.P.* Grazhdanskaya voina na Vostoke Sibiri 1917–1922 gg.: Vospominaniya. M.: Voenizdat, 1957. 62 s.
33. PAOO. F. 36. Op. 1. D. 1.
34. *Gratsian A.A.* Ehipidemiya malyarii v Sibiri // Zhizn' Sibiri. 1924. № 1(17). S. 95–105.
35. *Valyunova A.V.* Bor'ba s prestupnost'yu nesovershennoletnikh v Eniseiskoi gubernii posle okonchaniya Grazhdanskoi voiny // Grazhdanskaya voina na vostoke Rossii: vzglyad skvoz' dokumental'noe nasledie. Omsk: Omskii gos. tekhn. un-t, 2019. S. 48–50.
36. *Boiko YU.N.* K voprosu o material'nom obespechenii militsii Eniseiskoi gubernii v pervoi polovine 1920-kh gg. // Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva. 2012. № 3. S. 284–289.
37. Otchet o sostoyanii narodnogo obrazovaniya v Eniseiskoi gubernii IV gubs"ezdu Sovetov. 1922. URL: <https://irbis128.kraslib.ru/?id=FT/ShowFT&sid=8e1b80a6daa08629592ff594099596a4&viewerType=GUNBKK> (data obrashcheniya: 26.09.19).
38. GAKK. FR-93. Op. 1. D. 39.
39. GAKK. FR-93. Op. 4. D. 3.
40. GAKK. FR-93. Op. 1. D. 24.
41. *Pupyshev V.* Itogi kampanii po likvidatsii negramotnosti za 1923/24 uchebnyi god i dal'neishie perspektivy // Sibirskii pedagogicheskii zhurnal. 1924. № 1–2. S. 230–233.
42. Otkrytie kursov // Krasnoyarskii rabochii. 1920. № 147.
43. GAKK. FR-93. Op. 1. D. 40.
44. Kolichestvo uchebnykh zavedenii v gubernii // Krasnoyarskii rabochii. 1921. № 50.

Статья принята к публикации 15.03.2023/
The article has been accepted for publication 15.03.2023.

Информация об авторе:

Светлана Вячеславовна Бершадская, старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации

Information about the authors:

Svetlana Vyacheslavovna Bershadskaya, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Professional Communication

